

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

СВЕТ ПАМЯТИ

К 80-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого

Мое знакомство с Николаем Алексеевичем Заболоцким произошло в том году, когда в журнале «Костер» из номера в номер печатался, сделанный им для юношества, перевод-переложение «Витязя в тигровой шкуре», а мы, старшеклассники тбилисской первой школы, в меру своих сил уже знали грузинский «взрослый» оригинал поэмы. Так что знакомство с Заболоцким было вполне заочное и одностороннее, хотя бы по той причине, что тогда мне едва исполнилось тринадцать лет. Упоминаю же я об этом потому, что трепетно-влюбленное отношение к автору того, поистине волшебного, русского пересказа великой поэмы возникло именно тогда, получив дополнительные подтверждения в дальнейшем, когда я стал уже зрелым читателем стиха, а тем более профессиональным литератором.

Познакомил же нас в прямом смысле этого слова в начале 1949 года Виктор Викторович Гольцев, возглавлявший тогда альманах (а в скором времени — журнал «Дружба народов») и пригласивший меня, начинающего литератора, на должность ответственного секретаря альманаха. Там я впервые и увидел Николая Алексеевича и воскресил в себе с новой силой с детских лет идущие чувства, помноженные на поздние впечатления от ставших библиографической редкостью «Столбцов» и «Второй книги». Примерно к этому времени, а точнее с 1947 года, возобновились дружеские и творческие связи Николая Алексеевича с Грузией, возникшие еще в середине 30-х годов. Уже долгие месяцы 1947 года, проведенные в Тбилиси и Сагурамо, в Доме творчества писателей, помогли Николаю Алексеевичу «войти в колею». А в 1949-м же, в Москве, я застал Николая Алексеевича, окруженного заботой и вниманием В. Гольцева, Н. Тихонова, П. Антокольского, Н. Степанова, а также наезжавших в Москву М. Бажана и тбилисских друзей. В. Гольцев сразу же включил и меня в орбиту этих своих общественно-литературных интересов. В результате мне выпала честь сначала на страницах «Дружбы народов», а затем и в других органах прессы одним из первых оценить целый ряд переводов Заболоцкого. И когда в 1950 году я напечатал в «Новом мире» рецензию на недавно выпущенную под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани антологию «Поэзия Грузии», Николай Алексеевич остался весьма доволен теми строками, которые были посвящены в ней его переводческому опыту и методу. Ему пришлось по душе, как он сказал тогда, точная и сжатая формулировка принципиальных установок, которые я «вычитал» и которых он придерживался и сам собирался в скором времени изложить. Ныне мне эта моя оценка кажется и слишком сухой, и слишком общезначимой, но тогда она, по-видимому, выглядела несколько иначе... Прочитав позднее «Заметки переводчика», опубликованные Николаем Алексеевичем в «Молодой гвардии», я убедился, что попал, как говорится, в точку.

В дальнейшем я встречался с Николаем Алексеевичем в каждый свой приезд в Москву. И любая моя встреча с ним — особая тема для воспоминаний. Еще в 1952 году Николай Алексеевич был привлечен к переводам из Акакия Церетели, сборник которого я составлял и редактировал в «Детгизе». Это было первое послевоенное русское издание, и ставилась по существу задача «второго рождения» великого поэта в новых переводах. Потому и были приглашены, наряду с Н. А. Забо-

лоцким, Б. Пастернак, А. Кочетков, В. Державин, П. Антокольский и кое-кто из молодых. Понятно, что успех был обеспечен.

В одной из своих работ о Заболоцком я еще в 1958 году особое внимание уделил внутреннему, «лирическому» контакту Н. Заболоцкого как поэта-переводчика с героями великих грузинских поэтов разных эпох. Я не буду задерживаться на этом вопросе. Добавлю лишь, что особыми симпатиями Николая Алексеевича пользовались, по его же словам, руставелевский Автандил и вазалшавеловские Алуда, Миндия и Агаза.

...Дом Заболоцких — квартира на Беговой — поистине «приятное спокойствия, трудов и вдохновенья». Московское хлебосольство, скрещенное с грузинским гостеприимством... Любимое им «Мукузани»... И, конечно, стихи, стихи, стихи. Но и живопись, поэты! Но главным образом — стихи. Особую радость доставляло нам, слушателям, чтение самим Заболоцким не только своих стихов и переводов, но и фрагментов оригинала на грузинском языке. Грузинским языком Николай Алексеевич не владел, но он владел грузинским письмом и мог читать свободно и знал наизусть большие куски из Руставели, Гурамишвили, Важа Пшавела. Читал он, скандируя и получая явное удовольствие от соприкосновения с иноязычной материей стиха и от самой демонстрации своих возможностей. Тут он часто улыбался своей неповторимо-серьезной и лукавой одновременно улыбкой, забыть которую невозможно и в которой участвовали и губы, и глаза, и все лицо, и даже сам голос поэта!..

...Не прошло и года после Декады грузинской литературы в Москве, превратившейся, кстати, и в триумф переводов Николая Заболоцкого, как Россия потеряла одного из крупнейших своих поэтов, а Грузия — великого своего друга. В те годы еще не были в обычае многолюдные похороны, и провожавшие Николая Алексеевича в последний путь грузинские его друзья и почитатели были явно заметны в процессии. Прилетели из Ленинграда Вадим Шефнер и Ольга Бергольц. Я навсегда запомнил Бориса Слуцкого, с солдатской обязательностью и преданностью взявшего на себя все деловые хлопоты и как бы несущего вахту... Помнится, Бесо Жгенти произнес на могиле взволнованную речь. Это было 14 декабря 1958 года. Но и с тех пор неразлучен с нами Николай Алексеевич Заболоцкий. 21 ноября 1961 года в Малом зале ЦДЛ состоялся вечер, посвященный творческому опыту Н. Заболоцкого. Председательствовал его друг и сподвижник Павел Григорьевич Антокольский. Мне была предоставлена честь выступить с докладом «Творческий подвиг Н. Заболоцкого». На вечере прекрасно выступили друзья и коллеги Николая Алексеевича — М. Зенкевич, В. Каверин, Н. Любимов, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, Н. Степанов, Н. Чуковский.

...Он живет в сердце каждого читающего грузина. В Грузии о нем пишут исследования, диссертации, ему посвящаются радио- и телепередачи. Чудесные стихи посвятил ему Григол Абашидзе. Посмертное признание ему национальной Руставелевской премии символически выразило меру благодарности и любви грузинского народа к своему русскому Автандилу — благороднейшему другу и побратиму, рыцарю поэзии и рыцарю дружбы...

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ.